
Убийцей мужчина не был.
Стаскивая мертвого мальчика вниз по склону, он убеждал себя: я не убийца.

Убийцы — преступники. Убийцы — злые люди. Их души поглотила тьма, и они по разным причинам с готовностью приняли ее в свои объятия, отвернувшись от света. А он человек незлой.

Напротив.

Разве в последнее время он не демонстрировал полную противоположность, почти целиком отбросив собственные чувства и желания, почти совершив над собой насилие ради благополучия других? Он попросту подставил другую щеку. Разве его присутствие в этой заболоченной низине посреди неизвестно чего с мертвым мальчиком не является еще одним доказательством того, что он стремится поступать как надо? *Вынужден* поступать как надо. Что он больше не намерен предавать.

Мужчина остановился и отдышался. Несмотря на юный возраст, парень оказался тяжелым. Хорошо тренированным — несколько часов в спортзале каждую неделю. Впрочем, уже недалеко. Мужчина ухватился за брючины, бывшие когда-то белыми, но в темноте ка-

завшиися почти черными, — из мальчика вытекло очень много крови.

Да, убивать неправильно. Пятая заповедь. Не убий! Однако бывают исключения. Библия во многих местах призывает к справедливому убиению. Некоторые этого заслуживают. Неправильное может оказаться верным. Абсолютных истин не существует.

И если отсутствуют эгоистические побуждения. Если утрата одной человеческой жизни принесет спасение другим. Дай им шанс. Дай им жизнь. Тогда ведь деяние не может считаться злом? Если цель благая.

Мужчина остановился возле небольшого скопления темной воды. Обычно оно представляло собой просто огромную лужу глубиной несколько метров, но в последнее время дожди так напитали землю, что лужа растеклась посреди обильно поросшего кустарником болота, образовав настоящее маленькое озеро.

Мужчина наклонился и ухватился за футболку мальчика возле плеч. С огромным трудом приподнял безжизненное тело и на мгновение посмотрел мальчику прямо в глаза. Какой была его последняя мысль? Успел ли он вообще что-нибудь подумать? Понял ли — что ему предстоит умереть? Поинтересовался ли — почему? Думал ли он о том, чего не успел совершить за свою короткую жизнь, или о том, что на самом деле совершил?

Не играет никакой роли.

Зачем доставлять себе лишние мучения?

У него не было выбора.

Предать он не мог.

Снова предать.

Тем не менее он колебался. Но нет, они бы не поняли. Не простили бы. Не смогли бы, как он, подставить другую щеку.

Он толкнул парня спиной вперед, и тело с громким всплеском упало в воду. Мужчина подпрыгнул, не готовый к пронзившему темную тишину звуку.

Тело мальчика погрузилось в воду и исчезло.

Человек, который не был убийцей, вернулся к машине, припаркованной на маленькой лесной дороге, и поехал домой.

— П олиция Вестероса*, Клара Лидман.
— Я бы хотела заявить о пропаже сына.
Голос женщины казался почти извиняющимся, будто она была не вполне уверена, туда ли попала, или сомневалась, поверят ли ей. Несмотря на то что разговор записывался на пленку, Клара Лидман взяла в руки блокнот.

— Сообщите, пожалуйста, ваше имя.

— Лена. Лена Эрикссон. Моего сына зовут Рогер. Рогер Эрикссон.

— Сколько вашему сыну лет?

— Шестнадцать. Я не видела его со вчерашнего вечера.

Клара записала возраст и подумала, что делу следует сразу дать ход. Разумеется, если парень действительно исчез.

— С которого часа?

---

* Вестерос — административный центр лена Вестманланд, расположен в 114 км от Стокгольма. (Здесь и далее — прим. перев.)

— Он убежал в пять.

Двадцать два часа назад. Важных при исчезновении двадцать два часа.

— Вы знаете, куда он пошел?

— Да, к Лизе.

— Кто такая Лиза?

— Её девушка. Я ей сегодня звонила, но она сказала, что он ушел от нее вчера около десяти.

Клара зачеркнула на листе две двойки и заменила их на цифру семнадцать.

— Куда же он от нее направился?

— Она не знает, думала, что домой. Но дома он не появлялся. Всю ночь. И сейчас уже прошел почти целый день.

«И ты звонишь только теперь», — подумала Клара. Ее вдруг осенило, что женщина на другом конце провода не кажется особенно взволнованной. Скорее расстроенной. Подавленной.

— Как фамилия Лизы?

— Ханссон.

Клара записала фамилию.

— У Рогера есть мобильный телефон? Вы пытались ему звонить?

— Да, но телефон не отвечает.

— У вас нет никаких соображений относительно того, куда он мог пойти? Может, он заночевал у кого-нибудь из приятелей или что-нибудь в этом роде?

— Нет, он бы позвонил.

Женщина ненадолго замолчала, и Клара предположила, что голос изменил ей, но, услышав на другом конце провода всасывающий вдох, поняла, что женщина глубоко затянулась сигаретой. Потом выпустила дым.

— Он просто исчез, и все.

С он возвращался каждую ночь. Не давал ему покоя. Всегда тот же сон, приносивший тот же страх. Его это раздражало. Выводило из себя. Себастиан Бергман выше этого. Уж кто-кто, а он-то прекрасно разбирается в снах, и ему следовало бы справляться с этими лихорадочными остатками прошлого. Но насколько бы подготовлен он ни был, как бы хорошо ни сознавал истинное значение этого сна, он все равно оказывался в плену. Сон, казалось, отыскивал внутреннюю точку пересечения между тем, кем является Бергман, и его пониманием значения этого сна.

4:43.

Начало светать. У Себастиана пересохло во рту. Неужели он кричал? Вероятно, нет, поскольку женщина рядом с ним не проснулась. Она дышала спокойно, длинные волосы наполовину скрывали ее обнаженную грудь. Себастиан машинально распрямил слегка сведенные судорогой пальцы. Он уже привык просыпаться после этого сна с крепко сжатой правой рукой. Потом попытался припомнить имя лежащего у него под боком существа.

Катарина? Карин?

Она наверняка в течение вечера упоминала, как ее зовут.

Кристина? Каролина?

В общем-то, это никакой роли не играло — он все равно не собирался с ней снова встречаться, но копание в памяти помогало изгнать последние туманные отголоски сна, который, похоже, плотно въелся во все его органы чувств.

Сон, преследующий его уже более пяти лет. Тот же сон, те же картины каждую ночь. Все подсознание напряженно пытается справиться с тем, с чем он не мог совладать в дневное время.

С чувством вины.

Себастиан медленно поднялся с постели, подавил зевок и взял одежду со стула, куда положил ее несколькими часами раньше. Одеваясь, он безразличным взглядом окинул комнату, в которой провел ночь. Кровать, два прикрепленных к стене белых платяных шкафа — один с зеркальной дверцей; простенький белый ночной столик из магазина «ИКЕА» с будильником и журналом «Будь здоров», маленький стол с фотографией живущего с мамой каждую вторую неделю ребенка и разными безделушками — возле стула, с которого он только что забрал одежду. На стенах ничего не говорящие репродукции, которые ловкий маклер наверняка представил как выполненные «в гамме латте», хотя они попросту грязно-бежевые. Комната была такой же, как и полученный им в ней секс — незатейливо и немного скучно, но свою функцию выполняет. Как и всегда. К сожалению, удовлетворения хватало не слишком надолго.

Себастиан закрыл глаза. Это всегда самый мучительный момент. Переход к реальности. Эмоциональный поворот на сто восемьдесят градусов. Знакомо до боли. Он сконцентрировался на лежащей в постели женщине, особенно на видневшемся соске. Как же ее зовут?

Он знает, что представился, подходя с напитками, — так он поступал всегда. Никогда не представлялся, спрашивая, свободно ли место рядом, что она хочет выпить или может ли он ее угостить. Но ставя перед ней бокал — всегда.

«Кстати, меня зовут Себастиан».

Что же она ответила? Ему помнилось, что что-то на К. Он застегнул ремень на брюках. Раздался легкий металлический скрежет пряжки.

— Ты уходишь? — Ее голос звучал со сна хрипловато, взгляд искал часы.

— Да.

— Я думала, мы вместе позавтракаем. Который час?

— Скоро пять.

Женщина приподнялась на локте. Сколько ей? Под сорок? Она откинула с лица прядь волос. Сон отступал и сменялся осознанием того, что из утра, на которое она рассчитывала, ничего не получится. Он потихоньку встал, оделся и собирался уйти, не разбудив ее. Они не будут вместе завтракать и, перебрасываясь фразами, читать утреннюю газету, не пойдут на воскресную прогулку. Он не захочет познакомиться с ней получше и больше не позвонит, что бы он там ни говорил.

Она это поняла. Поэтому ничего объяснять Себастиан не стал.

— Пока, — произнес он на прощание, отбросив попытки угадать имя. Он уже больше не был уверен даже в том, что оно начинается на К.

На улице было по-рассветному тихо. Пригород спал, и все звуки казались приглушенными, словно им не хотелось его будить. Даже шум транспорта с проходившего поблизости шоссе Нюнесвеген доносился, будто почтительно ослабленный сурдиной. Себастиан остановился возле указателя на перекрестке. Улица Варпавеген. Где-то в пригороде Губбэнген. До дома довольно далеко. Ходит ли в такое время метро? Ночью они ехали на такси. По пути останавливались у магазинчика и покупали хлеб для завтрака — она вспомнила, что у нее дома ничего нет. Ведь он же собирает-

ся остаться на завтрак? Они купили хлеб и сок, он и... ну черт возьми. Как же ее звали? Себастиан двинулся по пустынной улице.

Он обидел ее, как бы ее там ни звали.

Через четырнадцать часов ему предстояло ехать в Вестерос и продолжать начатое дело. Впрочем, оно другого рода, до той женщины ему уже больше не добраться.

Пошел дождь.

Какое мерзкое утро.

В пригороде Губбэнген.

Все откровенно шло к чертовой матери. В ботинки комиссара полиции Тумаса Харальдссона затекала вода, его рация вышла из строя, и он потерял остальных участников прочесывания местности. Солнце светило прямо в глаза, и комиссару приходилось щуриться, чтобы не спотыкаться о кустарник и корни, торчавшие по всему болоту. Харальдссон выругался про себя и посмотрел на часы. Примерно через два часа у Йенни в больнице начнется обеденный перерыв. Она сядет в машину и поедет домой в надежде на то, что он уже успел вернуться. А он вместо этого будет торчать в проклятом лесу.

Харальдссон еще глубже провалился левой ногой. Почувствовал, что толстый носок в коротком ботинке впитывает холодную воду. В воздухе ощущалось зарождающееся, еще нестабильное весеннее тепло, вода же по-прежнему хранила зимний холод. Харальдссон задрожал, но снова вытащил ногу и нащупал твердую почву.

Он огляделся. Восток, вероятно, там. Разве в той стороне не идут военнослужащие? Или скауты? Прав-

да, он вполне мог крутануться на 360 градусов и окончательно утратить ощущение, где находится север. Чуть поодаль, однако, виднелся маленький холмик, означавший сухую почву — маленький рай в этом мокром аду. Харальдссон двинулся туда. Нога снова провалилась. На этот раз правая. Чертовская удача.

Всему виной Хансер.

Ему не пришлось бы сейчас стоять тут мокрым по колено, если бы Хансер не захотела продемонстрировать свою активность и силу. А ей это действительно требовалось — ведь она, черт бы ее побрал, исходно даже не из полиции. Этакая юристка-выскачка, сумевшая ловко обойти его и выбиться в начальники, даже не запачкав рук и не промочив ног, как он.

Нет, если бы решать доверили Харальдссону, он бы действовал иначе. Конечно, парня никто не видел с пятницы и расширение зоны поиска вполне соответствовало служебной инструкции, особенно учитывая полученные сведения о «ночных мероприятиях» и «огнях в лесу» в окрестностях болота Листачер как раз в эти выходные. Но Харальдссон по опыту знал, что это пустой номер. Парень сидит сейчас где-нибудь в Стокгольме и смеется над обеспокоенной матерью. Ему ведь шестнадцать. А шестнадцатилетние парни любят заниматься таким делом — издеваться над своими мамами.

Хансер.

Чем больше Харальдссон промокал, тем больше ненавидел ее. Эта женщина — худшее, что с ним случилось. Молодая, привлекательная, политически активная представительница новой, современной полиции.

Она перешла ему дорогу. Когда она проводила первое совещание в полиции Вестероса, Харальдссон осознал, что его карьера резко затормозилась. Он ведь по-

давал на эту должность. А получила ее Хансер. И будет у них начальником минимум пять лет. Его пять лет. Изпод него выдернули лестницу, по которой он продвигался вверх. Теперь его карьера медленно двинулась по горизонтали, и ее завершение представлялось лишь вопросом времени. То, что он стоит по колено в зловонной глине в лесу километрах в десяти от Вестероса, казалось ему почти символическим.

В полученной утром эсэмэске большими буквами было написано: «СЕГОДНЯ СЛАДКИЙ ЛЕНЧ». Это означало, что Йенни приедет домой в обед, чтобы заняться с ним сексом, а потом они еще займутся любовью вечером, один или два раза. Теперь их жизнь строилась так. Йенни проходила лечение от бесплодия и вместе с врачом разработала некую схему для оптимизации шансов на оплодотворение. Сегодня выпал такой оптимальный день. Отсюда и эсэмэска. Харальдссон испытывал двойственные чувства. С одной стороны, он ценил то, что их сексуальное общение в последнее время увеличилось на несколько сотен процентов. Ему нравилось, что Йенни всегда хотела его. С другой стороны, он никак не мог отделаться от ощущения, что на самом деле она хочет не его, а его сперму. Если бы не желание иметь ребенка, ей бы и в голову не пришло ехать домой в обед, чтобы наскоро потрахаться. Что-то во всем этом отдавало размножением животных. Как только яйцеклетка начинает двигаться к матке, они набрасываются друг на друга, словно кролики. В промежутках, по правде говоря, тоже, просто на всякий случай. Но уже больше не ради удовольствия, не ради близости. Куда же делась страсть? Где желание? И вот теперь Йенни приедет в обед домой, а там пусто. Может, следовало позвонить ей и спросить, не заняться ли ему пе-

ред уходом онанизмом, чтобы оставить сперму в банке в холодильнике. Самое ужасное, что он не был до конца уверен в том, что Йенни сочла бы такую идею совершенно неприемлемой.

Все началось в прошлую субботу.

Служба безопасности переключила разговор на полицию Вестероса около 15:00. Какая-то мать заявила о пропаже сына. Поскольку речь шла о несовершеннолетнем, заявление стало приоритетным. В полном соответствии с инструкцией.

К сожалению, приоритетное заявление пролежало до воскресенья, когда им поручили заняться дежурному наряду. В результате двое полицейских в форме посетили мать около 16:00. У нее еще раз приняли заявление, а позже вечером, перед уходом со службы, дежурные его зарегистрировали. Никаких мер все еще предпринято не было, не считая наличия теперь уже двух аккуратных и явно идентичных заявлений о пропаже того же человека. Причем оба имели пометку «приоритетное».

Только в понедельник утром, когда с момента исчезновения Рогера Эрикссона прошло 58 часов, старший по смене заметил, что заявления лежат без движения. К сожалению, профсоюзное собрание, посвященное предложению Государственного полицейского управления о введении новой формы, сильно затянулось, поэтому Харальдссона ознакомили с отложенным делом только в понедельник после обеда. Взглянув на дату приема заявлений, Харальдссон возблагодарил свою счастливую звезду за то, что дежурные полицейские все же посетили Лену Эрикссон в воскресенье вечером. Ей ведь не обязательно знать о том, что их визит вылился лишь в написание еще одного рапорта. Нет, работа

началась всерьез уже в воскресенье, но пока ни к чему не привела. Именно этой версии Харальдссон и намеревался придерживаться.

Понимая, что перед разговором с Леной Эрикссон ему необходимо добыть хоть немного новых сведений, он позвонил подружке Рогера Лизе Ханссон, но та еще не вернулась из школы.

Харальдссон искал в регистре материал на Лену Эрикссон и ее сына. Рогер был несколько раз уличен в мелком воровстве. В последний раз чуть больше года назад, что плохо привязывалось к исчезновению. На мать ничего не обнаружилось.

Он позвонил в муниципалитет и выяснил, что Рогер учится в Пальмлёвской гимназии.

«Паршиво», — подумал Харальдссон.

Немуниципальная гимназия с интернатом. Считается одной из лучших в стране по показателям успеваемости. В ней учатся талантливые и целеустремленные дети богатых родителей. Родителей со связями. Обязательно станут искать козла отпущения, виновного в том, что расследование началось не сразу, и тогда полное отсутствие сведений на третьи сутки будет выглядеть не слишком удачно. Харальдссон решил все остальное отложить. Его карьера и так замерла, и глупо подвергать себя дальнейшему риску.

Поэтому всю вторую половину дня Харальдссон усиленно работал. Он отправился в Пальмлёвскую гимназию. Директор Рагнар Грот и классная руководительница Беатрис Странд выразили глубокую озабоченность и ужаснулись, узнав об исчезновении Рогера, но ничем конкретным помочь не смогли. Они не слышали о том, чтобы что-то произошло. Рогер вел себя в школе как обычно, в пятницу днем он писал большую

контрольную по шведскому языку и, по словам одноклассников, пребывал после нее в хорошем настроении.

Однако Харальдссону удалось разыскать Лизу Ханссон — последнюю, кто видел Рогера в пятницу вечером. Она училась в параллельном классе, и Харальдссону указали на нее в кафетерии. Симпатичная, хоть и самая обычная девушка. Прямые светлые волосы, челка убрана простой заколкой. Ненакрашенные голубые глаза. Белая блузка, застегнутая наверху до предпоследней пуговицы, поверх жилет. Усевшись напротив Лизы, Харальдссон сразу подумал о свободной церкви. Или о девушке из сериала «Белый камень», шедшего по телевидению в годы его молодости. Он спросил, не купить ли ей что-нибудь в кафетерии. Она отрицательно помотала головой.

— Расскажи о пятнице, когда Рогер был у тебя.

Лиза посмотрела на него и слегка пожала плечами.

— Он пришел примерно в половине шестого, мы сидели у меня в комнате, смотрели телевизор, а около десяти он пошел домой. Или, во всяком случае, сказал, что пошел домой...

Харальдссон кивнул. Четыре с половиной часа в ее комнате. Шестнадцатилетний парень и девушка. Смотрели телевизор — ну пусть попробует заставить меня в это поверить. Или я просто испорчен окружающей средой? Как давно они с Йенни стали смотреть вечером телевизор? Ни разу не перепихнувшись во время рекламы? Исчисляется месяцами.

— А больше ничего не произошло? Вы там не поругались, не поссорились, ничего такого?

Лиза помотала головой. Она прикусила малюсенький ноготь большого пальца. Харальдссон увидел, что кожаца вокруг ногтя явно воспалена.